

Вэй И окончил профессиональный колледж, а Ся Линфэн поступил в университет с прямой магистратурой и аспирантурой. Выпустившись раньше, Вэй И устроился бортпроводником — работа хотя и тяжёлая, да к тому же зависимая от возраста, зато платили там отлично. У Ся Линфэна, конечно, водились стипендии, гранты за публикации и всяческие надбавки, но с доходами летающего стюарда они всё равно не сравнивались. Поэтому в те годы Вэй И взял на себя все расходы: сам оплачивал их съёмные квартиры, посиделки в ресторанах и любые поездки.

Он то и дело покупал Ся Линфэну одежду. У того была подтянутая фигура, рост под метр девяносто и точёное лицо — настоящая классика неприступных красавцев. Вэй И с упоением наряжал своего парня, получая чисто эстетическое удовольствие.

В каком-то смысле заявление о том, что раньше он содержал Ся Линфэна, звучало вполне оправданно.

Вэй И любил его, а любовь для него выражалась в том числе в желании тратить на человека деньги. И если финансовая щедрость и впрямь служила мерилom чувств, значит, и нынешний Ся Линфэн всё ещё им дорожит.

«Я совсем свихнулся», — подумал Вэй И, разрываясь между надеждой и отчаянием.

Он решил, что им необходимо наконец поговорить начистоту, но не успел и рта открыть: Ся Линфэн, уже переодетый, стоял на пороге.

— Завтрак на кухне, — негромко бросил тот. — Я пошёл.

Вэй И оглянулся на настенные часы. Не было ещё и семи утра.

Ся Линфэн, казалось, спешил, но почему-то замер в прихожей, не торопясь переступить порог.

— Ты что-то хотел сказать? — удивлённо спросил Вэй И.

Вместо ответа Ся Линфэн подошёл ближе, наклонился и мягко коснулся губами его лба.

— Отдохни как следует, — тихо проговорил он. — И не забудь сходить на физиотерапию.

Этот мимолётный поцелуй легчайшим касанием отозвался в душе Вэй И, словно упавший в тихий пруд осенний лист.

Перехватив его ладонь, Вэй И пробормотал:

— У меня на днях свободно. Могу приготовить ужин... Чего бы тебе хотелось? Или, может, встретить тебя после смены?..

Ся Линфэн лишь коротко погладил его пальцы и мягко, но решительно высвободил руку.

— Не нужно готовить. И встречаться не стоит — я вернусь поздно, сам не знаю когда.

Хлопнула входная дверь. Ся Линфэн ушёл, и квартира погрузилась в тишину.

Постояв немного посреди комнаты, Вэй И отправился в ванную. Умывшись, он заглянул на кухню и обнаружил на столе приготовленный завтрак: поджаренные тосты с листьями салата и яичницу-глазунью.

Иногда казалось, что Ся Линфэн по-прежнему внимателен и заботлив — вот даже завтрак оставил.

Но в остальное время от него веяло отстранённостью. Он не расспрашивал Вэй И о делах и сам ничего не рассказывал о больнице. Они будто разучились разговаривать.

К тому же Ся Линфэн возвращался всё позже, на сообщения отвечал сухо и коротко, а по выходным их общение сводилось к банальному вопросу: «Что будем есть?».

Но страшнее всего было другое: партнёр явно утратил к нему влечение. Раз или два за всю неделю, да и то со сдержанной хладнокровностью... Вэй И даже грешным делом думал, не заработал ли Ся Линфэн эректильную дисфункцию от вечной переутомляемости.

Да нет, бред. Порой же явно чувствовалось, как того штормит от желания, но к делу Ся Линфэн всё равно не переходил — ограничивался лаской, как вчера вечером, доводя его до разрядки вручную.

Если отбросить невозможные варианты, останется единственная версия. И какой бы дикой она ни казалась...

Возможно, Ся Линфэн просто не хочет *его*.

Неужели он и вправду завёл кого-то на стороне?

Изменяет, но бросать не торопится. Наверное, привычка за столько-то лет сыграла роль — жалко выставлять за дверь давнего спутника. Вэй И с каждым днём отставал от него всё сильнее, общих тем не оставалось, вот Ся Линфэн и пошёл искать новизны и острых ощущений. А к нему самому остыл — и душевно, и физически.

Или же просто оставляет все силы у кого-то другого, а домой приходит опустошённым.

От одной этой мысли сжимало грудь, не давая сделать вдох.

Их история тянулась со школьной скамьи: учились в одном классе, потом Ся Линфэн поступил в один из лучших вузов страны, а Вэй И выбрал ближайший к нему колледж на факультет бортпроводников. Едва Вэй И вручили диплом, они уехали за границу и расписались.

Четырнадцать лет знакомства. Одиннадцать лет вместе.

Слишком глубокая связь. Ся Линфэн давно вытеснил всех остальных, став самым близким человеком на свете — не просто любовником, а спутником жизни, без которого та потеряет всякий смысл.

Если они расстанутся... Вэй И даже представить не мог, сколько времени уйдёт на заживление такой раны.

Может, догадка об измене — лишь плод обострившейся паранойи, но выкинуть её из головы никак не получалось. Вэй И панически боялся предательства. В вопросах верности он отличался бескомпромиссностью: если факт измены подтвердится, уйти придётся не колеблясь.

Он так и остался ранимым и мнительным, во всём привыкшим видеть наихудший сценарий. И этот наихудший сценарий разворачивался прямо сейчас: предательство и неизбежный разрыв.

А ведь если дело не в другой связи, они могли бы преодолеть любые сложности. Вместе, шаг за шагом.

Сколько бы он ни собирался с духом, спросить напрямую о причинах этой холодной отстранённости не хватало решимости. Вэй И до смерти боялся услышать ответ, который разрушит его мир до основания.

Слабак, что с него взять.

«Сначала нужно всё выведать, — решил он, словно страус, пряча голову в песок и забиваясь поглубже в свою раковину. — А уж потом раскрою карты».

За день и ночь отдыха боль в пояснице немного утихла. Переделав нехитрые домашние дела, Вэй И взялся за телефон, чтобы написать Ся Линфэну, но так и замер с экраном в руках, не зная, с чего начать.

Он слабо представлял себе будни партнёра. Назначена ли у того сегодня операция или обычный амбулаторный приём? Ся Линфэн никогда не делился подробностями.

Впрочем, винить его не стоило — Вэй И сам был тому причиной.

Его гемофобия граничила с паникой: Вэй И плохело от одного вида крови или просто разговоров о хирургических вмешательствах и больничных трагедиях.

Ещё в студенческие годы, когда Ся Линфэн как-то раз упомянул практику в анатомическом театре и работу с анатомическими донорами, Вэй И, несмотря на все усилия сдержаться, едва не лишился чувств. Ноги подкосились, перед глазами всё поплыло, а воображение нарисовало жуткие залитые кровью картины.

Они тогда гуляли в парке, и Вэй И даже шага не мог ступить. Ся Линфэну пришлось усадить его на скамейку и долго отвлекать студенческими сплетнями.

С тех пор тема медицины оказалась под табу. Ся Линфэн больше не касался своей профессии и запрещал Вэй И приходить к нему в больницу, опасаясь, что тот грохнется в обморок прямо в коридоре.

И теперь Вэй И с ужасом осознал: он совершенно не знает, чем живёт его муж вне дома.

Поразмыслив, он набрал банальное:

«Как дела на работе? Сильно занят?»

Фраза звучала сухо и натянуто, но пропасть между ними стала настолько глубокой, что простые слова давались с трудом.

Вэй И знал, что врачи не принадлежат себе, но не представлял, в чём именно заключается эта нагрузка и бывает ли у Ся Линфэна хоть минута отдыха.

Он... действительно ничего о нём не знал.

Утро у Ся Линфэна выдалось суматошным: утренний обход, а в десять — сложнейшая операция, продолжительность которой не взялся бы предсказать никто.

Уходя, он заметил неопределённый жест Вэй И, словно тот порывался что-то сказать, но времени на разговоры не оставалось совершенно. На кону стояла жизнь ребёнка и надежда

целой семьи, медлить было нельзя.

Обход начался в седьмом часу, после чего Ся Линфэн сразу приступил к подготовке.

Отделение кардиохирургии их клиники входило в тройку лучших по стране. Сюда стекались самые тяжёлые больные со всех уголков Китая, и подавляющее большинство вмешательств сопровождалось высочайшим риском.

Для Ся Линфэна не существовало двух одинаковых сердец, как не существовало и универсальных хирургических схем. Каждый случай требовал индивидуального подхода, а в критические моменты — хладнокровия и молниеносных точных решений.

Сегодня его ждал семимесячный младенец с редким врождённым пороком — аномальным отхождением левой коронарной артерии от лёгочной артерии (ALCAPA).

Проще говоря, сосуды малютки развились неправильно. В норме обе коронарные артерии отходят от аорты, снабжая миокард насыщенной кислородом кровью под высоким давлением. Если же левая артерия подключается к лёгочной, где давление и уровень кислорода мизерны, сердечная мышца начинает испытывать гипоксию, отмирает, рубцуется и в конечном счёте приводит к острой сердечной недостаточности.

Патология отличается коварством: внутриутробная УЗИ-диагностика её не определяет, поскольку у плода показатели давления и кислорода в аорте и лёгочной артерии одинаковы. Лишь после рождения, когда болезнь проявляется и начинает разрастаться левый желудочек, у врачей возникают подозрения.

Однако поставить точный диагноз непросто. Эхокардиография — лишь первый шаг, за которым должна следовать компьютерная томография. Но многие родители пугаются облучения для грудничка и рисков наркоза, полагая, что медики сгущают краски. Они отказываются от обследования, не понимая, что без хирургического вмешательства ребёнок обречён: его ждут повторные инфаркты и неизбежная гибель от сердечной недостаточности.

Оперировать малышку должен был наставник Ся Линфэна — профессор Фан, занимающий должность вице-президента клиники. Однако два дня назад у профессора случился инфаркт миокарда, и он сам оказался на больничной койке. Остальные специалисты квалификации подобного уровня были загружены под завязку расписанными на недели вперёд вмешательствами. Задача легла на плечи Ся Линфэна.

Хотя самостоятельную практику он начал чуть больше года назад, его признавали редким талантом. Выдержка, виртуозная техника и высочайший процент успешных операций сделали его кандидатуру единственной возможной.

Семья девочки долго сопротивлялась диагностике: старшее поколение встало грудью против КТ, твердя о вреде излучения. Время было упущено. Поступившую в тяжелейшем состоянии

девочку целую неделю интенсивно готовили, чтобы довести показатели хотя бы до минимально допустимой нормы.

Сердце малышки пострадало настолько сильно, что шанс не сойти с операционного стола был чрезвычайно велик. И всё же дальше тянуть некуда — отсутствие операции равнялось смертному приговору.

Ся Линфэну предстояло выполнить трансплантацию коронарной артерии. Сама по себе методика считалась отработанной: клиника ежегодно принимала более сотни подобных пациентов с великолепной статистикой. Сложность заключалась в запущенности случая: у ребёнка уже проявились симптомы терминальной стадии ишемической болезни. В родной провинции местные врачи развели руками, заявив, что шансов на коррекцию нет и спасти девочку может лишь трансплантация сердца.

Но донорский орган для младенца — случайная милость свыше. Не желая уповать на чудо, родители преодолели тысячи километров. Заведующий отделением принял девочку и решил рискнуть: провести трансплантацию коронарной артерии, а затем подключить комплексную терапию для стимулирования регенерации миокарда.

Прежде чем обработать руки и надеть стерильный халат, Ся Линфэн достал личный телефон и быстро пробежал взглядом сообщение от Вэй И:

«Как дела на работе? Сильно занят?»

Занят. Невероятно занят.

Ему хотелось написать так много, поддержать, дать пару советов... Но времени не оставалось вовсе — на столе ждал семимесячный ребёнок.

«Занят, — отстучал он на экране. — Ложись пораньше, не жди меня».

После чего убрал телефон, облачился в стерильное и шагнул в операционную.

Маленькая пациентка уже лежала под лампой. Семимесячная девочка, которую родители ласково звали Хэтяо — Сяо Хэтяо, «Грецкий орешек», в память о том, как её мать во время беременности уплетала орехи килограммами.

Анестезиолог дал отмашку. Покончив с приготовлениями, Ся Линфэн разрезал скальпелем кожу над грудиной, рассек коагулятором перикард и обнажил орган. Отсос удалил скопившуюся жидкость; ассистенты привычными движениями обеспечивали доступ. Ся Линфэн аккуратно развёл края перикарда.

В ярком свете бестеневых ламп сердчишко, которому полагалось быть размером с грецкий

орех, выглядело распухшим, словно яблоко. Овальная форма сменилась шарообразной, а поверхность пестрела участками некроза и рубцами — немymi свидетельствами вынесенных малышкой страданий. Орган работал на пределе. Единственным шансом на спасение оставалось немедленное восстановление адекватного кровоснабжения.

Ся Линфэн рассек лёгочную артерию чуть выше места аномального отхождения коронарного сосуда. Наступил черёд ювелирной работы: пережать аорту, искусственно остановить кровообращение, пересадить крошечные артерии и наложить идеальный герметичный шов.

Шёл самый ответственный этап. Ся Линфэн работал с предельной концентрацией. Поскольку сам он шуток во время операций не терпел, в бригаде установилась абсолютная тишина — присутствующие боялись даже дышать, чтобы не сбить хирурга.

Транслокация прошла успешно. Сняв зажимы, медики оглядели орган, убеждаясь в отсутствии кровотечения по задней линии шва. На мониторе появились первые хаотичные импульсы — казалось, ситуация под контролем.

Но это был лишь первый шаг. Предстояло отключить Сяо Хэтяо от аппарата искусственного кровообращения.

Попытка снятия с ИК провалилась: измученное рубцами сердце отказалось выдавать адекватный ритм. Ся Линфэн велел приготовить дефибриллятор:

— Десять джоулей.

Разряд. Однако ритм не восстановился. В операционной повисла тяжёлая тишина. Каждый понимал: девочка может не дожить до конца операции.

С момента вводного наркоза, вскрытия грудной клетки и начала основной манипуляции прошло более пяти часов. Ся Линфэн, ассистенты и операционная сестра простояли на ногах всё это время, сил почти не оставалось.

Первый ассистент осторожно шепнул:

— Доктор Ся... Похоже, всё?

Лицо Ся Линфэна оставалось непроницаемым.

— Адреналин, — негромко отозвался он. — И ждём.

Эхокардиограмма показывала, что анатомически операция выполнена безупречно, но ткани были разрушены слишком сильно. Нарастала регургитация, снять ребёнка с аппарата ИК не

удавалось.

Обычно после периода ишемии органу требуется время для восстановления функции, но сердце Сяо Хэтяо просто не включалось.

Прошло ещё полчаса. Положение оставалось критическим. Не выдержав гнетущего давления, ассистент с трудом выцедил:

— Может... вызовем родственников?

Для бригады исход казался очевидным.

Разговор с родными — самое тяжёлое испытание для врача, но миновать его не удаётся никому.

Однако Ся Линфэн отрезал:

— Продлеваем искусственное кровообращение ещё на полчаса. Смена отдыхает по очереди.

Все понимали: чем длительнее перфузия, тем ниже шансы на жизнеспособность миокарда. И всё же указание выполнили беспрекословно — врачи задействуют любой, даже самый мизерный шанс.

В течение получаса члены бригады поочерёдно отлучались, проводили повторную дезинфекцию и возвращались к столу.

Спустя тридцать минут аппарат ИК снова отключили. Давление мгновенно рухнуло.

— Доктор Ся... Кажется, это всё, — сдавленно пробормотал ассистент.

Ся Линфэн смотрел на крошечное тельце.

Семимесячная Хэтяо казалась совсем бессильной на огромном операционном столе. Её жизнь едва началась, и он категорически отказывался смириться с тем, что она угаснет прямо сейчас.

Ся Линфэн на миг прикрыл глаза. И принял решение рискнуть.

В случае неудачи его ждали разбирательства, жалобы убитых горем родителей и возможные скандалы. Если же отступить прямо сейчас — это просто зафиксируют как безуспешную операцию.

Но если риск оправдается... Сяо Хэтяо будет жить.

Он решил бороться.

В памяти всплыл случай из практики наставника: у пациента из-за растяжения желудочка развилась тяжелейшая регургитация, и хирург решился на резекцию объёма полости, тем самым спасая человеку жизнь.

Эту методику применяли немногие: уж слишком высок был риск. Физическое уменьшение объёма полости сердца граничило с безумием.

Левый желудочек Сяо Хэтяо был критически растянут, что и провоцировало обратный ток крови. Взяв скальпель, Ся Линфэн рассек стенку левого желудочка. Внутренняя поверхность ткани представляла собой сплошной рубец. Высекая отмершие участки, он иссёк избыток ткани, уменьшая объём желудочка, после чего филигранно ушил стенку.

Занятый ювелирным иссечением и пластикой, он не замечал ничего вокруг — существовали лишь ткань, сталь и угасающая жизнь.

Завершив шов, Ся Линфэн убедился, что воздух из полостей полностью удалён, и распорядился:

— Повторить дефибрилляцию.

Ассистент молча выставил параметры. Напряжение в комнате достигло предела. Все замерли в ожидании чуда.

Разряд!

И тотчас на мониторе УЗИ кривая сменила рисунок.

Это подействовало на бригаду лучше любого аналептика. Ся Линфэн скомандовал подключить временный кардиостимулятор, снова ввести адреналин и прекратить перфузию.

Аппарат ИК остановили. И на этот раз собственное сердце Сяо Хэтяо приняло нагрузку! Пошёл ровный, ритмичный пульс, показатели артериального давления поползли вверх.

График на экране пульсировал в такт новому ритму — уверенно и живо. Израненный орган включился в работу, запуская процессы самовосстановления.

Сердце малышки ожило.

Тяжёлый гнёт, давивший на присутствующих последние часы, мгновенно рассеялся. Операционная ожила: ассистенты, накладывая завершающие швы на грудную клетку, уже вполголоса обсуждали, куда отправиться ужинать.

Ся Линфэн, отстоявший у стола около восьми часов в предельном напряжении, чувствовал колоссальную усталость.

— Вы невероятны, доктор Ся, — негромко произнёс первый ассистент, зашивая ткани.

Фантастическое мастерство.

Невероятный?

Сам он так не считал. Спасать жизни — его работа. А за пределами врачебного долга он оставался обычным человеком, который прямо сейчас больше всего на свете хотел оказаться дома: обнять Вэй И, прижать к себе, вдохнуть родной запах и просто побыть рядом.

Но до дома было ещё далеко. Сначала надо проконтролировать переливку, сделать вечерний обход, заполнить истории болезни и отчёты...

— Просто моя работа, — сдержанно отозвался он.

Разумеется, дело было не только в долге — хирургия составляла суть его жизни. И всякий раз, когда удавалось вырвать человека из лап смерти, его охватывало чувство глубокого удовлетворения.

Перед тем как окончательно закрыть грудную клетку, Ся Линфэн попросил медсестру достать его рабочий телефон и сделать снимок.

Бьющееся сердце Сяо Хэтяо казалось ему невероятно прекрасным — сильным и полным жизни.

Малышку перевели в отделение реанимации и интенсивной терапии. Операция, длившаяся более восьми часов, наконец завершилась.

Слыша доносившиеся из коридора всхлипывания и рыдания облегчения, Ся Линфэн перевёл дух и вышел к родственникам. Он детально изложил план послеоперационного ухода и назначил схему поддерживающей терапии.

Лишь вернувшись в ординаторскую и опустившись в кресло, он смог наконец достать личный телефон и открыть чат с Вэй И.

В закрепе висело сообщение, отправленное ещё в десять утра:

«Понял. Береги себя на работе! Если освободишься пораньше, дай знать — приготовлю ужин».

Сейчас часы показывали начало восьмого вечера.

Заказывать Вэй И еду с доставкой уже не имело смысла — тот наверняка поужинал. Сам же Ся Линфэн с утра не брал в рот ни крошки, и желудок сводило от голода.

Обычные издержки профессии: во время многочасовых операций перекусить удаётся разве что печеньем или шоколадом в коротком перерыве.

Достав из стола упаковку орехов, он принялся торопливо жевать, набивая ответ:

«Буду дома к девяти».

Нужно было поскорее закрыть текущие бумаги и спешить домой.

Пока он составлял отчёты и делал обход, стрелка часов действительно подползла к девяти. В ординаторской он пересекся с Лу Пэем, который тоже собирался уходить.

Ся Линфэн на секунду задумался, после чего обратился к коллеге:

— Доктор Лу, ты в воскресенье на обходе?

— Ага.

— Подменишь меня? Если возникнет что-то срочное, сразу звони. Мне нужно освободить день.

Лу Пэй изумлённо воззрился на него:

— Ты? Выходной? С чего вдруг?

Изумление было искренним: Ся Линфэн слыл в отделении неизлечимым трудоголиком. Он дежурил чуть ли не каждые выходные, охотно беря чужие смены, а на расспросы отмахивался — мол, дома одному делать нечего, лучше поработать.

И вдруг этот идейный стахановец просит подстраховать! Лу Пэй даже ушам своим не поверил.

— У моего супруга редкие свободные дни, — спокойно пояснил Ся Линфэн. — Хочу побыть с ним.

— У кого?! — Лу Пэй округлил глаза. — Слушай, ты это серьёзно? А я-то думал, ты байку про «вторую половинку» сочинил, чтобы заведующий перестал сосватывать тебе своих знакомых!

— Всё правда, — Ся Линфэн чуть заметно качнул головой. — Мы вместе уже больше десяти лет.

— Вот это да... А почему тогда на совместные посиделки никогда его не приводишь? Прячешь, как сокровище!

При упоминании Вэй И на губах Ся Линфэна тенью скользнула мягкая улыбка.

— У него гемофобия. Ему у нас станет дурно.

— Да ну! Мы же не людоеды какие-нибудь. Ну подумаешь, режем да зашиваем людские тушки, делов-то.

«Вот этой фразкой ты бы его как раз и доконал», — мысленно вздохнул Ся Линфэн, а вслух привёл пример:

— Вы за сихого в хот-поте начнёте сравнивать свиные мозги с человеческими. Ему от одного этого дурно станет.

Лу Пэй потерял дар речи. Как хирурга с международным именем занесло к столь трепетному созданию, оставалось загадкой.

— Ох, прямо нежный цветок, — покачал он головой. — Ладно, заменю тебя в воскресенье. Но учти: если что случится, звоню, и чтоб через пятнадцать минут был в клинике как штык.

— Договорились. Спасибо.

Ся Линфэн не стал вдаваться в подробности. Смысла объяснять чужим людям не было — никто со стороны всё равно не сумел бы оценить всю прелесть его Вэй И.

А ведь Вэй И вовсе не был мимозой. Он был лучиком света, пробившимся сквозь непроглядную тьму.

Хрупким, но невероятно стойким.

И этот свет когда-то осветил юность Ся Линфэна.

<http://bllate.org/book/20027/1991549>